

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СООТНОШЕНИЕ Я-РЕАЛЬНОГО И Я-ВИРТУАЛЬНОГО МОЛОДЕЖИ

В связи со стремительным развитием, распространением и проникновением в жизнь человека такого явления, как виртуальная среда, появляется необходимость в изучении ее влияния на пользователя. Одной из наиболее остро стоящих проблематик, сопряженных с виртуальной средой, является установление взаимосвязи между Я-реальным и Я-виртуальным человека.

Виртуальная идентичность является репрезентацией личности человека в сети интернет [2]. Она отражает особенности характера человека, его межличностного общения, физические и личностные свойства. Виртуальный образ человека, опосредованный ником и аватаром, имеет специфику, которая диктуется особенностями сети Интернет, включает в себя анонимность, легкость трансформации, возможность контроля, упрощение коммуникации [3].

В современном научно-психологическом дискурсе существуют две разные позиции о соотношении Я-реального и Я-виртуального человека. Некоторые исследователи считают виртуальное Я частью реальной идентичности человека (И.В. Костерина, Л.В. Косенчук, Doering N. и др), другие разделяют эти понятия, подчеркивая возможность контроля и трансформации Я-виртуального (Е.Л. Солдатова, А.Е. Войскунский, Д.Н. Погорелов, Sinnirella, M., Turkle, Sh. и др.). В связи с существованием противоречивых мнений и данных о проблеме соотношения Я-реального и Я-виртуального, возникает необходимость в анализе уже имеющейся информации, а также в эмпирическом изучении поставленной проблемы.

Целью работы является изучение соотношения Я-реального и Я-виртуального у молодежи. Гипотеза исследования: типы межличностных отношений Я-реального и Я-виртуального у молодежи отличны друг от друга.

Материал и методы. Выборку исследования составили 60 человек в возрасте от 18 до 25 лет (медиана – 20, среднее арифметическое 20,39). Из них 58,3% женщин, 41,7% мужчин.

В рамках исследования была использована методика “Тест межличностных отношений Лири”. Она состоит из 8 шкал, характеризующих определенный тип межличностных отношений: авторитарный, эгоистичный, агрессивный, подозрительный, подчиняемый, зависимый, дружелюбный, альтруистический [4]. Методика была модифицирована при помощи метода семантического дифференциала: респондент должен был оценить, насколько характерно то или иное утверждение из оригинального теста для него в реальной жизни и в виртуальном мире. Так, по каждой шкале было получено два результата – для Я-реального и для Я-виртуального.

Методика оценки статусов виртуальной идентичности (статус ВИ), разработанная Мариной Владимировной Клементьевой. Опросник содержит в себе 2 показателя: “осмысленность принятия ВИ” и “интенсивность поиска ВИ”. Таким образом, существует 4 типа виртуальной идентичности: диффузная ВИ, предрешенная ВИ, мораторий ВИ, достигнутая ВИ [1].

Результаты и их обсуждение. Для того, чтобы объединить шкалы теста Лири в факторы, содержащие в себе блоки сходных вопросов, был применен факторный анализ. В результате проведения данного анализа было выделено 3 фактора. В первый фактор “доминантность” включены такие шкалы для Я-реального и Я-виртуального, как: авторитарный (факторная нагрузка для ЯР – 0,847; для ЯВ – 0,746), эгоистичный

(факторная нагрузка для ЯР – 0,812; для ЯВ – 0,809) и агрессивный (факторная нагрузка для ЯР – 0,667; для ЯВ – 0,778). Второй фактор “дружелюбие” включает в себя дружелюбный (факторная нагрузка для ЯР – 0,855; для ЯВ – 0,876), альтруистический (факторная нагрузка для ЯР – 0,722; для ЯВ – 0,757) и зависимый (факторная нагрузка для ЯР – 0,587; для ЯВ – 0,645) типы межличностных отношений. Третий фактор “мнительность”, состоит из подчиняемого (факторная нагрузка для ЯР – 0,763; для ЯВ – 0,687) и подозрительного (факторная нагрузка для ЯР – 0,666; для ЯВ – 0,695) типов межличностных отношений. Так, можно констатировать, что профили Я-реального и Я-виртуального респондентов связаны и коррелируют внутри данных факторов, что свидетельствует о сходстве виртуального и реального Я пользователей. Критерий адекватности выборки Кайзера-Мейера-Олкина $> 0,6$ для всех шкал. Это указывает на то, что переменные подходят для проведения факторного анализа, об их приемлемой адекватности. Критерий сферичности Бартлетта также указывает на то, что данные являются приемлемыми для факторного анализа ($p < 0,001$). Показатель α -Кронбаха говорит о высокой консистентности факторов “доминантность” и “дружелюбие” ($> 0,9$) и хорошей однородности фактора “мнительность” ($> 0,8$). Общий процент объяснимой дисперсии $> 0,5$. Это подтверждает трехфакторную модель.

Далее был проведен сравнительный анализ между респондентами с различными статусами виртуальной идентичности по факторам, полученным ранее. Наиболее распространенными статусами виртуальной идентичности среди респондентов является достигнутая (35%) и предрешенная (33,3%). Меньшее количество респондентов показали мораторий виртуальной идентичности и диффузную виртуальную идентичность (13,3% и 18,3% соответственно). Значимыми являются различия между респондентами: 1) с предрешенной и диффузной виртуальной идентичностью по фактору “дружелюбие” для Я-реального и Я-виртуального ($p < 0,05$); 2) с достигнутой и диффузной виртуальной идентичностью по фактору “дружелюбие” для Я-реального и Я-виртуального; 3) с мораторием виртуальной идентичности и диффузной виртуальной идентичностью по фактору “дружелюбие” для Я-реального. Так, респонденты с диффузной ВИ имеют более низкие показатели по фактору “дружелюбие” во всех вышечисленных случаях. Все остальные показатели являются сходными.

Заключение. Гипотеза исследования подтверждена частично, типы межличностных отношений в сети Интернет и в реальной жизни имеют сходные и отличные моменты. Они формируются на основе механизмов построения взаимоотношений в реальной жизни, но трансформируются под влиянием специфики виртуального мира. Статус виртуальной идентичности (интенсивность поиска и осмысленность влияния) влияют на дружелюбие, проявляемое человеком в виртуальной среде.

Список использованной литературы:

1. Клементьева, М.В. Идентичность: виртуальная или реальная? / М.В. Клементьева // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2023. – 13(5). – С. 141–146.
2. Погорелов, Д.Н. Структура виртуальной идентичности как интегрального феномена / Д.Н. Погорелов, Е.А. Рыльская // Психология. Психофизиология. – 2021. – Т. 14. – № 3. – С. 57–68.
3. Рыльская Е.А. Идентичность личности в виртуальном пространстве социальных сетей и реальная идентичность: сравнительные характеристики / Е.А. Рыльская, Д.Н. Погорелов // Ярославский педагогический вестник. – 2021. – № 1 (118). – С. 105–114.
4. Собчик, Л.Н. Вып. 3. Диагностика межличностных отношений. Модифицированный вариант интерперсональной диагностики Т. Лири. Метод. Руководство / Л.Н. Собчик. – М., 1990.